

В город они возвращались на следующий день, ближе к вечеру.

Перед самым отъездом режиссёр Ло вручил Се Синьцяню и Ли Вэньсю по пухлому конверту — на память.

Руки Ли Вэньсю были заняты рулём, поэтому он попросил сидевшего рядом Се Синьцяня:

— Посмотри, что там у меня.

Се Синьцянь распечатал бумажный конверт, взглянул на содержимое и удивлённо приоткрыл рот.

— Что там? — повернул к нему голову Ли Вэньсю.

— Фотографии, — ответил Се Синьцянь.

Почти на всех снимках они с Ли Вэньсю были вдвоём. Вот они собирают цветы софоры на дереве, вот читают в саду, а вот сидят на крыше, разглядывая ночные звёзды... Неужели режиссёр Ло сделал так много кадров? Се Синьцянь даже не замечал, когда тот успевал снимать.

Снимки рассыпались по коленям Синьцяня, будто ворох несказанных, глубоко запрятанных тайн.

Ли Вэньсю бросил быстрый взгляд на колени спутника и чуть улыбнулся:

— Здорово получилось.

Перебирая карточки, Се Синьцянь нащупал кое-что ещё:

— На самом дне письмо.

— Прочти, если не трудно.

Се Синьцянь развернул сложенный листок и растерянно нахмурился:

— Тут всего одна строчка. Кажется, на иностранном, я такого не знаю.

Ли Вэньсю сбросил скорость и мазнул взглядом по бумаге:

— Scrisse, amo, visse.

— Что это значит?

— Эпитафия Стендаля, — спокойно отозвался Ли Вэньсю. Теперь он мог говорить об этом без былой тяжести. — «Писал, любил, жил».

Вполне в духе режиссёра Ло. Но почему он решил оставить именно эту фразу Ли Вэньсю? Се Синьцянь недоумевал. Уложив снимки и послание обратно, он вскрыл собственный конверт.

Его пачка оказалась куда увесистее. Синьцянь ждал увидеть целую кипу снимков, но внутри не нашлось ни единой фотографии — лишь потрёпанный блокнот в полуистёршемся переплёте.

Ли Вэньсю покосился на находку и полюбопытствовал:

— Книгу подарил?

— Блокнот, — Се Синьцянь перелистнул первую страницу и ахнул: — Похоже на личный дневник.

Ли Вэньсю вскинул бровь, смутно догадываясь о сути:

— О личной жизни?

Се Синьцянь кивнул:

— Скорее всего.

— Надо же, отдать кому-то дневник... — пробормотал Ли Вэньсю. — Похоже, он действительно хочет выложиться с этим фильмом на все сто.

— Почему ты так решил? — не понял Синьцянь.

Ли Вэньсю сделал паузу и тихо ответил:

— Потому что сценарий фильма основан на его собственной жизни.

«На реальных событиях? Но ведь они снимают фильм об однополрой любви...»

Се Синьцзянь потрясённо ахнул:

— Режиссёр Ло... он что, из...

Ли Вэньсю подтвердил:

— У него был возлюбленный. Мужчина.

Се Синьцзянь опешил, с головой уходя в глубокий шок. Когда он снова взглянул на пожелтевшие страницы, они обрели для него иной, особый смысл.

В дневнике лежал отдельный листок — судя по всему, вложенный совсем недавно. На нём от руки была выведена одна-единственная строка:

«Это моя история, но в конце концов она станет вашей. И мне бы хотелось, чтобы она отозвалась в сердцах зрителей».

Прочитав записку, Се Синьцзянь бережно вложил её обратно. Его пальцы скользнули по потрескавшейся обложке, но набраться смелости и открыть дневник он пока не мог.

В обычной жизни Синьцзянь строго соблюдал личные границы. С большинством людей он держался подчёркнуто вежливо, сохраняя дистанцию, и избегал откровенных тем, не говоря уже о чтении чужих дневников. Чужие тайны пугали его. Стоит узнать о закрытой стороне жизни другого человека — и тот неизбежно перестанет быть просто знакомым, превратится в кого-то совершенно иного.

Се Синьцзянь долго собирался с духом, но так и не решился сделать шаг через эту черту.

— Не стесняйся, — заметив его смущение, неторопливо произнёс Ли Вэньсю. — Раз уж он отдал тебе свои записи, значит, был готов вывернуть душу наизнанку.

Се Синьцзянь тихо угукнул и наконец раскрыл блокнот.

«Сегодня Хэ Яньцин повёз меня в музей. Остров Вэйхай лежит совсем близко к экватору, рассветает тут рано. Когда мы выехали, не было и восьми утра, а солнце уже палило вовсю. Лучи, проходя сквозь стекло машины, обжигали кожу до боли. Я поджал руки к груди и, глядя на Хэ Яньцина за рулём, с досадой подумал: знал бы — надел бы рубашку с длинным рукавом, как он.

На Хэ Яньцине сегодня была кремовая льняная рубашка. Пара верхних пуговиц расстёгнута, открывая широкую, гладкую грудь. За рулём он обычно засучивал рукава по локоть и правил одной рукой, а вторую небрежно укладывал на открытое окно — будто готов был в любой миг

поприветствовать каждого прохожего.

Собственно, он так и делал. Этому его свойству я всегда поражался — и втайне завидовал. Приехал на остров позже меня, а казалось, знает тут каждого встречного. С любым обронит пару фраз, а незнакомцу в проезжающей мимо машине обязательно махнёт рукой. В нём жила искренняя, почти детская открытость, которая влюбляла в него с первого взгляда — а вслед за ним заставляла полюбить и сам остров Вэйхай.

К счастью, сегодня дорога пустовала, и вся его теплота досталась мне одному.

На пассажирском сиденье я не мог оторвать от него глаз, жадно и почти бесстыдно разглядывал подбородок, кадык, ямочки над ключицами... Мой взгляд скользил всё ниже, проникая в полураскрытый ворот, погружаясь в тени. Там таились его секреты. Там был мой недостижимый рай...»

Что кроется под «секретами» и «раем», догадаться было нетрудно.

Се Синьцянъ захлопнул дневник. Густая краска смущения залила его лицо, дочитать до конца решимости у него не хватило.

Кто бы мог подумать, что режиссёр Ло, снимавший кино так тонко и иносказательно, в личных записях окажется настолько откровенным и страстным?

Синьцянъ впервые столкнулся с настолько обжигающей чувственностью. Его словно силой втянуло в то далёкое утро. Повествование от первого лица создавало полный эффект присутствия: казалось, будто он сам превратился в автора дневника, плавился от неудержимого влечения и не мог совладать со своими чувствами.

От такого наплыва эмоций пересохло в горле. Се Синьцянъ слизал сухость с губ, открутил крышку бутылки и жадно отпил. Но вода успела нагреться в салоне и не принесла облегчения — в груди всё так же пылал беспокойный жарок.

— Жарко? — косился на него Ли Вэньсю. — Сделать кондиционер посильнее?

Се Синьцянъ неосознанно перевёл взгляд на водителя. На Ли Вэньсю сегодня тоже была белая рубашка, расстёгнутая лишь на одну пуговицу, а длинные рукава плотно охватывали запястья. Сильная, сухощавая кисть правой руки уверенно сжимала руль.

Машина катила сквозь высокий криптомериевый лес. Полуденное солнце пробивалось сквозь кроны, рассыпая по плечам и лицу Ли Вэньсю причудливую мозаику света и тени.

Ли Вэньсю совсем не походил на Хэ Яньцина из записей. Но почему же тогда сердце Се Синьцянъ забилось так часто, так судорожно, попадая в один ритм с пульсом того далёкого

«я»?

— Что-то не так? — Ли Вэньсю мимоходом взглянул на него.

— Нет... — Синьцянь спешно отвёл глаза, смущённо мотнув головой. — Ничего, просто с твоей стороны вид красивый.

Ли Вэньсю бросил взгляд в левое окно, скользнул по навигатору и сказал:

— Ехать ещё час. Можешь подремать.

Се Синьцянь пробормотал благодарность и мгновенно зажмурился, откинувшись на подголовник.

Ему было страшно посмотреть на спутника. Стоит только разомкнуть веки — и в его глазах вспыхнет та же отчаянная, оголённая страсть, что жила на страницах дневника. Но даже в темноте под сомкнутыми веками перед внутренним взором с небывалой чёткостью возникали черты лица Ли Вэньсю.

Полежав так некоторое время, Синьцянь понял, что мысли запутываются всё сильнее. Чтобы хоть как-то отвлечься, он вздохнул и снова вытащил дневник.

Автомобиль въехал в городские кварталы, поток уплотнился, скорость упала. Заметив, что пассажир затих слишком ненадолго, Ли Вэньсю сперва решил, будто тот уснул. Но повернув голову, с изумлением увидел, что всё лицо Се Синьцяня мокро от слёз.

Замрев на красном сигнале светофора, Ли Вэньсю сжал руль крепче обычного и с нескрываемой тревогой спросил:

— Ты чего? Что случилось?

Сначала Синьцянь молча глотал слёзы, изредка утираясь салфеткой. Но стоит Ли Вэньсю заговорить, как сдерживаться стало невозможно. Синьцянь попытался ответить, но едва разжал губы, как разрыдался в голос.

— Там... про них...

Больше он не мог выговорить ни слова. Уткнувшись лицом в сторону двери, он судорожно вздрагивал всем телом, пытаясь скрыть своё отчаяние.

Ли Вэньсю молча наблюдал за ним несколько мгновений, затем достал из бардачка начатую

пачку салфеток и протянул ему.

Не поднимая головы, Се Синьцянь выхватил бумажки, уткнулся в них и продолжил шмыгать носом. Полпачки улетело вмиг, но рыдания не утихали.

Ли Вэньсю и не подозревал, что в парне таится такое море слёз. Запас салфеток иссяк. Он съехал на обочину, вышел из машины и принёс из ближайшего магазинчика бутылку воды и две большие упаковки бумажных платков.

— Спасибо, — просипел Се Синьцянь, забирая покупку.

Потребовалось немало времени и полбутылки воды, чтобы всхлипывания наконец улеглись. Нос и кончики век у него покраснели, глаза припухли. Смущаясь своего вида, Синьцянь изо всех сил старался сохранить независимое выражение лица.

Ли Вэньсю смерил его долгим взглядом:

— Всё? Успокоился?

— Угу, — смущённо качнул головой Синьцянь, пытаясь спасти остатки гордости. — Просто... дневник действительно очень трогательный.

Ли Вэньсю взглянул на потёртую обложку, но ничего не сказал.

Се Синьцянь и подумать не мог, что разнюнится прямо в машине. Знай он заранее, какими слезами это оборачивается, ни за что бы не открыл блокнот до самого дома. Он всегда слишком близко принимал всё к сердцу. А тут — оголённая страсть, трагическая развязка, и главное — сознание того, что всё происходило на самом деле. На душе становилось горько и муторно.

Впрочем, прочтя эти страницы, он наконец осознал, почему режиссёр Ло решил снять этот фильм.

Спустя двадцать минут Ли Вэньсю припарковался у дома Се Синьцяня.

Се Синьцянь выбрался из салона всё ещё заплаканный. Заметив, что у парня нет снимков, Ли Вэньсю предложил ему отобрать несколько кадров с собой.

Синьцянь вытянул наугад пару фотографий. На одной из них они стояли втроём. Вглядевшись в испещрённое морщинами лицо режиссёра Ло, он вновь почувствовал, как к глазам подступают слёзы. Но на этот раз он сдержался, лишь смахнул влагу с ресниц и попрощался с Ли Вэньсю.

Кажется, прощание вышло совершенно обычным, но уже к вечеру Вэйбо взорвался новым горячим трендом:

#Се Синьцзянь в слезах вышел из машины Ли Вэньсю#

В самом популярном посте выложили сетку из девяти гифок с водяными знаками. На размытых кадрах отлично проглядывалось, как Се Синьцзянь вытирает лицо, а также момент, когда Ли Вэньсю выходил у магазина, пока тот рыдал на переднем сиденье.

Маркетинговые паблики вовсю строчили гипотезы: мол, актёры переругались сразу по окончании съёмок «Лицемерного вида», а конфликт скрывали исключительно ради промо-кампании.

«...»

Настроение у Се Синьцзяня и без того было не из лучших, но, прочитав сфабрикованные выдумки о распре с Ли Вэньсю, он не выдержал и нервно хохотнул. Диванные фантазёры оправдали ожидания. С таким развитым воображением им бы романы писать, а не сплетни разносить!

Чушь была очевидной, и Се Синьцзянь не собирался на неё реагировать. Но когда он заглянул в комментарии под собственным профилем, там уже бушевал настоящий пожар:

«Офигеть, первый раз вижу, чтобы Сяо Синьсинь плакал! Выглядит так жалко!»

«Неужели реально разосрались? Да ну, они же так ладили!»

«Точно разосрались! Ещё с самого банкета по случаю окончания съёмок "Лицемерного вида" всё пошло наперекосяк. Я встречала их в аэропорту: Синьцзянь выскочил мрачнее тучи, нёсся во весь опор, даже когда Ли Вэньсю окликнул его — ноль эмоций, только морду отвернул!»

Се Синьцзянь: «...»

В тот день он просто торопился домой, чтобы досмотреть финал «Осенней истории»! Кто же знал, что фанаты раздуют из этого целый детектив?

«Эх... А я на них надеялась. Вот и шипперы после этого! Все парочки распадаются!»

«Так жалко Сяо Синьсиня! Счастье фаната было таким коротким... ТАТ»

«Раз его сняли заплаканным, значит, они окончательно порвали. Кто ж знал, что их дружбы

хватит ненадолго...»

В сети бушевали страсти, но Синьцянь даже не думал разубеждать читателей. Он до сих пор помнил, как эти же самые комментаторши язвили, будто ему не подходит «элочный» размер трусов, и обида ещё не прогасла.

Развалившись на диване, он лениво прокручивал ленту, с таинственной ухмылкой наблюдая за фанатскими стенаниями.

Как вдруг всплыло уведомление: Ли Вэньсю, числившийся у него в особых подписках, опубликовал новую запись.

@Ли Вэньсю: Благодарю старца Ло за памятные кадры. [Изображения: 9]

Ли Вэньсю выложил все снимки, подаренные режиссёром.

В самом факте не было ничего странного: в индустрии знали об их дружбе. Но соль заключалась в том, что на половине из девяти кадров присутствовал Се Синьцянь.

Сеть замерла в недоумении: «???»

Они же вроде поссорились?! С чего вдруг выкладывать совместные фото?!

Фанатки Се Синьцяня не выдержали и пробрались в комментарии к фанаткам Ли Вэньсю, боязливо поинтересовавшись:

«Простите за дерзость, но то, что вы выложили снимки с Се Синьцянем... означает, что вы не ссорились?»

Ровно через минуту Ли Вэньсю ответил:

□ Не ссорились и не разрывали отношений. А почему он плакал — он запретил вам рассказывать. □

<http://bllate.org/book/19727/1946909>